

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ

ПАНОРАМА

Другая Жизнь

ЭЛЕН
АЛЕКС

16+

Элен Алекс

Другая жизнь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56565891
SelfPub; 2020*

Аннотация

Камилла – девушка из древнего рода, ее судьба предопределена еще с рождения. У нее есть жених, с которым у нее мало общего, и почтенные родственники, которые следят за каждым ее шагом. Все меняется, когда совершенно случайно на Камиллу обращает внимание известный режиссер и приглашает ее сняться в необычном фильме...

Содержание

1	5
2	15
3	24
4	36
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

«Не проиграй солнце до рассвета».

Пословица инков

1

В середине первого семестра к нам на курс перевели новую студентку. Я не знала, что на пятом курсе одного института можно перейти в другой. Но, оказывается, если ты настолько умна и невыразимо решительна, то тебе в этом мире можно все.

На первой лекции она села рядом со мной, это была чистая случайность. Но потом эта идея привлекла ее, и в следующий раз она сделала это уже намеренно.

В следующий раз я заберусь на самый верх или же сяду под самым носом у профессора, подумала я про себя, посмотрим, что ты тогда будешь делать.

И на третьей лекции я села на самый последний ярус аудитории. Обычно там сидят те студенты, которым до чертиков надоело учиться, но в силу жизненных обстоятельств они вынуждены это делать.

Новая студентка вошла в аудиторию и остановилась в растерянности около двери. Затем она отыскала взглядом меня и, не поверите, стала взбираться ко мне на самый верх. Когда она села рядом, я ее уже почти ненавидела.

У нас была лекция по истории религий, сложный и увлекательный предмет. Профессор Крайт, строгий бородач с проплешиной на голове, едва войдя в аудиторию, принял-

ся восторженно размахивать руками, взахлеб рассказывая о неимоверном многообразии мировых проблем.

Новая студентка сидела тихо и сосредоточенно. И не будь я столь строга к людям, я бы позволила себе хотя бы при-ответственно ей улыбнуться. Но нет, даже наоборот, я надменно повернулась в ее сторону и смирла ее достаточно гневным взглядом. Чтоб она даже не смела как-нибудь меня отвлекать, знакомиться или делиться какими-нибудь малозначительными впечатлениями о жизни.

– Меня зовут Миранда, – тут же сказала она мне.

Вообще-то, когда ее представляли, я уже слышала, как ее зовут.

– Миранда Дир, – сказала она.

И это я тоже слышала.

– Очень приятно, – процедила я сквозь зубы и отвернулась, тут же о ней позабыв.

– А тебя как зовут? – слышалось сбоку.

Я мысленно закатила глаза, но все-таки опять повернулась в ее сторону.

– Люсия, – изобразив вежливую улыбочку, сказала я, – Люсия Флавес.

– Ты недалеко от университета живешь? – тут же спросила Миранда Дир.

Я некоторое время соображала, почему ее заинтересовал именно этот вопрос. Ведь чтобы окончательно вывести меня из себя, она прекрасно могла спросить и о чем-нибудь поум-

нее.

– Я живу в доме на набережной, – сказала я.

– Это здорово, – сказала Миранда.

– Что здорово? – не поняла я.

– Жить в доме на набережной, – мечтательно сказала она, – водная стихия успокаивает и отвлекает от проблем.

– Ни одно окно моей квартиры не выходит на реку, – перебила ее я.

– О, извини, – расстроилась она.

Этого еще не хватало. Я вновь попыталась сосредоточиться на профессоре.

– Все мировые проблемы связаны именно с разнообразием религий, – выдал господин Крайт.

Это было крайне интересно.

– А куда выходят окна твоей квартиры? – спросила Миранда Дир.

– На ту дурацкую аллею, – вежливо улыбнулась я, – на которой растут эти невыносимые деревья с их невероятно серебристыми листьями.

– Ах да, – радостно сказала она, – я знаю эти деревья, забыла, как они называются, они еще очень редко встречаются.

Я не дала ей порадоваться своим знаниям.

– Они никак не называются, – сказала я, – и их вообще, по-моему, больше нигде нет.

– Могу представить, в какой восторг приводят тебя эти мысли, – сказала она.

Вместо ответа я несколько секунд молча разглядывала ее. Как она выглядит, во что одета, правильно ли она положила тушь на свои ресницы. Потом я вновь вернулась к лекции.

Профессор Крайт, оказывается, успел к тому времени начертить на доске сложную математическую схему, которая в моем сознании мало вязалась с тем предметом, на котором я в данный момент добросовестно присутствовала.

– Я слышала, что ты этим летом снималась в кино, – до-неслось сбоку.

Интересно, кто ей успел об этом доложить?

Я повернулась к ней.

– Да, – терпеливо сказала я Миранде Дир, – моя рука там снималась.

– Какая рука? – не поняла она.

– Правая, – сказала я, – вот эта.

И я показала ей свою правую руку.

Миранда Дир очень удивилась. И я спокойно досидела в тот день до конца лекции. Больше она меня ни о чем не спрашивала.

После лекций, прежде чем выйти из здания университета, я подошла к огромному окну в холле и прислонилась лбом к холодному стеклу. Много мыслей, переживаний и воспоминаний витало в моей голове. Я надеялась, что холод бесчувственного стекла поможет хоть немного справиться с их нашествием в мою загубленную жизнь...

Итак, давайте познакомимся, меня зовут Люсия Флавес. Я живу в доме на набережной, но ни одно из окон моей квартиры, разумеется, не выходит на реку. Моя комната вообще находится напротив той дурацкой аллеи, вдоль которой растут деревья с невыносимо серебристыми листьями и стволами, ну вы их знаете. Их почему-то все знают, хотя они очень редко встречаются.

И по бесконечно сменяющимся листьям на этих деревьях я могу постоянно следить за быстротечностью времен года, тщетностью нашей жизни и прочей ерундой, которая только может прийти печальному человеку в голову. Можете представить, в какой восторг приводят меня эти мысли.

Что я еще могу рассказать о себе интересного? Я учусь на пятом курсе философского факультета и следующим летом уже не буду такой непосредственной и наивной, какой была до этого. И я больше никого не допущу в свою душу, топтаться там и радостно разгуливать, а потом развернуться и навсегда уйти.

Я из тех людей, которых в полный экстаз приводят такие словосочетания, как съемочная группа, натурные съемки, продюсер картины и режиссер монтажа. Я могу за один вечер по нескольким каналам просмотреть невероятное количество фильмов и только после этого начну чувствовать себя более-менее сносно, спокойно и насыщенно.

Ну да ладно, я сейчас не об этом. Я хотела рассказать, что этим летом случилось одно событие, которое переполошило

мою душу. Хотя, что я, я даже участия в этом активного не принимала, все и так было решено и предопределено без меня.

Этим летом я наблюдала за съемками самого настоящего художественного фильма. И это замечательное событие, бесконечное празднество чувств и фейерверк эмоций так меня потрясли и растрогали, что даже сейчас, в начале зимы, я с большим трудом осознаю, что все давно закончилось и не повторится больше никогда.

Фильм вышел на экраны этой осенью, критики дали ему неплохую оценку. А Эйб Робинсон, режиссер, сказал, что от своей картины он ожидал намного большего, но ничего, сойдет и это, и укатил на другую сторону земного шара.

Я смотрела фильм двадцать семь раз, но что толку? Если бы мне не нужно было посещать каждый день лекции в университете, я посмотрела бы его раз двести, но это все равно не решило бы ни одной моей проблемы.

Многие думают, что вся соль и успех этого фильма заключаются в потрясающей музыке Марка Роуза. Ну вы знаете, у него обычно такая флейта, что слезы начинают литься рекой сами по себе, даже если вы и не думали никому сопереживать.

Другие же, наоборот, считают большой удачей сценарный дебют Эйба Робинсона. Ведь никто не знает, что Эйб Робинсон только успевал записывать то, что происходило у него на съемочной площадке.

Так что автором сценария, можно сказать, была сама жизнь и самые обыкновенные люди. Даже основной сюжет мы сочиняли всей толпой, просто удивительно, как это у нас получилось.

Фильм был снят так необычно и не по правилам, с непрофессиональными актерами, чьи невероятные ошибки были видны невооруженным взглядом. И еще с неизменной толпой в кадре каких-то совершенно посторонних людей.

Причем некоторые из этих людей чуть ли не умудрились передавать приветы в камеру всей своей родне. Да и вообще, их присутствие в фильме было наполнено понятным только лишь одному режиссеру каким-то невероятным и глубоким смыслом.

Эйб Робинсон даже возил этот фильм на один фестиваль, так вот, говорили, что жюри собиралось снять фильм с фестиваля или хотя бы выкинуть его к документальному кино, или еще что-то в этом роде. Но ни у организаторов фестиваля, ни у жюри, ни у его директоров уже ничего не вышло.

Потому что мало-помалу на этот фильм они привели всех своих друзей и родственников. Да и всю оставшуюся и давным-давно позабытую родню они тоже, в конце концов, привели на этот фильм. А в очереди за билетами на просмотр простой народ стоял по двое суток.

Мне тоже до сих пор трудно понять, в чем соль этого фильма, он мне дорог и все. Он уже моя часть, часть моей

истории и биографии, и мне от этого никуда не деться. После занятий я прихожу домой, варю крепкий кофе, сажусь в кресло перед телевизором и включаю кассету.

И после двадцать седьмого просмотра мне все еще смешно там, где должно быть смешно, и грустно там, где грустно. Флейта Марка Роуза зовет меня в необъяснимую даль, а натурные съемки Люка Беррера влекут туда, где я уже вряд ли когда буду.

Эйб Робинсон хотел сделать фильм о любви без трагического конца. Никто не верил, что это у него получится. Ведь Эйб Робинсон хотел сделать не просто фильм, а потрясающий фильм. Фильм, от которого замирало бы дыхание, к горлу подступали слезы, а свои лучшие чувства люди больше никогда не прятали бы так далеко на дно души.

– Я хочу доказать, что человеческими чувствами могут править не только одни трагедии, – говорил Эйб Робинсон, – и наша повседневная жизнь так же потрясающа и прекрасна, как что-либо необычное и из ряда вон выходящее, а фильм может остаться в сердцах зрителей не только благодаря обильному количеству снежных бурь, потопленных кораблей или еще чего-то подобного в этом роде.

– Ты берешь на себя непосильную задачу, – говорили ему те, кто более или менее разбирался в вопросах коммерческого успеха картин, идеологии производства фильмов, вкусах публики и критиков, а также во всех остальных мыслимых и немыслимых вопросах.

– Я сниму на камеру небо, солнце, землю и огонь в камине домашнего очага и докажу миру, что именно из этих простых элементов состоит человеческое счастье, – говорил Эйб Робинсон.

– Дружище, но это и без тебя все давно уже знают, – говорил ему Джефф Дармер.

– Все давным-давно об этом позабыли, – отвечал Эйб Робинсон, – все думают, что выброс адреналина в крови происходит только благодаря сходу снежных лавин, извержению вулканов, выходу рек из берегов и песчаным ураганам. Я хочу построить дом на берегу реки, посадить дерево возле дома и зажечь на небе звезды. И люди пойдут на мой фильм, потому что он научит их ценить то, что у них есть под руками, а не то, чего нужно безрезультатно годами ждать и о чем приходится мечтать всю свою жизнь. Счастье должно быть просто и естественно.

– Это философия глубокого материалиста, – говорил ему Джек Марлин.

– Нет, черт возьми, – говорил Эйб Робинсон, – это философия жизни.

– Ты хочешь посадить людей поливать палисадники и заставить их отказаться от полета фантазии?! – патетически восклицал Люк Беррер.

– Вовсе нет, – говорил Эйб Робинсон, – я хочу доказать, что наша обычная жизнь это и есть тот самый полет.

Так или иначе, летом фильм был снят. Весь сентябрь Эйб

Робинсон, Джефф Дармер, Джек Марлин и Люк Беррер занимались его монтажом, а в конце осени картина была выпущена в прокат. Эйб Робинсон сказал, что после такого напряжения он долго не будет снимать.

Скажу сразу, что Эйба Робинсона сейчас нет на этом континенте, он где-то там, на другом краю земного шара, снимает что-то ну просто несусветное, со снежными бурями, песчаными ураганами, потопленными кораблями и внезапными извержениями вулканов.

Он объясняет всем и каждому, что именно такие критические обстоятельства в жизни и заставляют почувствовать ее вкус. И эти его слова звучат, как самая истинная правда, и его новый фильм тоже займет не последнее место в истории кино.

2

Итак, я включаю кассету, отпиваю глоток горячего кофе и забываю обо всем на свете. Своей простотой фильм действует на меня, как гипноз. Вообще-то я знаю, что Эйб Робинсон и овсяную кашу может снять так, что ее захочется есть четыре раза в день и мечтать о добавке.

Только люди, попавшие в больницу или еще в какую-то не очень привлекательную ситуацию, могут рассказать вам, какой необыкновенной мечтой является простая и заурядная человеческая жизнь. Эйб Робинсон хотел сделать это, не погружая героев на дно океана, в кратер вулкана и трагедию разлуки. О том, насколько это ему удалось, можете судить сами.

Фильм называется «Другая жизнь», знаменитые братья Тернеры разрешили Эйбу Робинсону его снять только потому, что Эйб еще ни разу их не подводил. Все были против методов работы Эйба Робинсона. А когда из его идеи получилось что-то путное, знатоки киноискусства дружно решили, что все дело в монтаже.

Быть может, они отчасти и правы. Ведь в том безумном количестве материала, которое Эйб Робинсон отснял вместе с Люком Беррером, еще нужно было разобраться. И они, разумеется, разобрались.

Следуя классическим традициям мирового кинематографа, фильм не утомляет назидательностью, но так же и не навязывает модной динамики действия. Фильм естественен, как жизнь.

Историю главных героев мы сочиняли всей съемочной группой, но потом Эйб Робинсон, Джефф Дармер, Джек Марлин и Люк Беррер плюнули на это и стали снимать то, что есть. И отдельные эпизоды вдруг стали складываться в единое целое, а едва наметившиеся в начале фильма мысли неожиданно обретали глубокий смысл в его конце.

Главные герои были непрофессионалами, киностудия заключала с ними специальные контракты, оговаривающие в основном их права, нежели обязанности. Но когда чуть ли не все родственники главных героев изъявили горячее желание тоже принять участие в этом фильме, Эйбу Робинсону пришлось особенно тяжело.

На второстепенные роли Эйб Робинсон пригласил неизвестных актеров из местных театров, на что Джефф Дармер едва не умыл руки.

– Ты собираешься снять фильм века, – сказал он Эйбу Робинсону, – а все роли отдал неизвестно кому.

– Но ведь именно простые люди с улицы, – сказал Эйб Робинсон, – и совершают обычно самые великие дела.

Эйб Робинсон числился продюсером и главным режиссером фильма, а Джефф Дармер и Джек Марлин его помощниками. Хотя участие всех троих в съемках картины нельзя

рассматривать как-то однозначно. Фильм целиком и полностью был детищем Эйба Робинсона, а Джефф Дармер и Джек Марлин в основном радостно наблюдали за происходящим на съемочной площадке как бы со стороны.

Ну не то чтобы они совсем ничего не делали, нет. Просто они до конца не могли отнестись к данному проекту так же серьезно, как Эйб Робинсон.

А Эйб Робинсон, о, Эйб Робинсон представлял собой в то лето некую взрывоопасную смесь, к которой никому категорически нельзя было близко приближаться. Эйб Робинсон носился, вытаращив глаза, по всему городу и по всем примечательным местам за городом и изо всех сил боролся с миллиардами препятствий, встречающихся у него на пути.

Люк Беррер со своей неизменной кинокамерой бегал плечом к плечу с Эйбом Робинсоном и добросовестно снимал на пленку ничего ни для кого не значащие детали, встречающиеся им по дороге.

В конце данной процессии, состоящей также из актеров, костюмеров, визажистов, декораторов, ассистентов и всевозможных помощников, обычно не спеша шествовали Джефф Дармер и Джек Марлин. С чашечками горячего кофе и сигаретами, все такие воздушные и романтические, насквозь пропитанные бесконечными монологами о смысле жизни, каверзах судьбы и человеческом предназначении.

Смотря сейчас кассету, которую Эйб Робинсон записал

специально для меня, съемки этого фильма я вспоминаю тоже как отдельно взятое, милое и неповторимое кино. Теперь-то я ясно понимаю, почему актеры в конце съемок обычно кидаются друг другу на шеи и несколько дней безудержно рыдают, не в силах расстаться или хотя бы осознать, что этот период их жизни уже не повторится больше никогда. Ведь с каждым фильмом они проживают маленькую жизнь. И у этих маленьких жизней есть своя история и законы, свое начало и конец.

На последних кадрах фильма я обычно безудержно рыдаю. Думаю, что большое впечатление на меня производит именно то, что таких грандиозных событий, как наблюдение за съемками настоящего художественного фильма, в моей биографии никогда не было и вряд ли когда будет.

Моя жизнь всегда была скромна и обычна, круг домашних и знакомых ограничивался родителями и двумя столетними супружескими парами, с которыми мои родители по вечерам играли в преферанс. Вероятно, родители делали это из чувства солидарности с предстоящей старостью.

Это у моей подруги Камиллы родственников было несколько сотен, а может, и еще больше, и они не давали ей расслабиться ни на миг. Бесконечные дяди и тети, дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки целыми днями рассказывали Камилле о том, как ей надо жить, как выглядеть, что надевать, о чем думать и о ком мечтать.

А я-то что, мне и жаловаться не полагается. Всю жизнь я

была предоставлена самой себе. А великие события все как-то не сваливались и не сваливались на мою бесшабашную голову.

И тут вдруг это лето. И знаменитые братья Тернеры, и Эйб Робинсон, Джефф Дармер, Джек Марлин, Люк Беррер, известный сценарист Марк Тимпсон и два его помощника. А также все их галстуки-бабочки, вечерние смокинги, машины с откидным верхом, кинокамеры, микрофоны, осветительные приборы и бесконечные провода, через которые кто-нибудь непременно падал. И еще многое другое.

На последних кадрах фильма флейта Марка Роуза переходит на низкие спокойные тона. И это должно означать, что во всем мире теперь все будет хорошо, люди выйдут на улицы, крепко возьмутся за руки и улыбнутся миру, солнцу, свету и друг другу.

Но именно состояние покоя и ощущение того, что отныне все будет так, как надо, и приводят меня обычно в самое большое беспокойство. В этом мире с его строгими природными балансами и бесконечно спешащими по небу неизвестно куда облаками нужно быть постоянно бдительным и доверять только лишь себе одному.

Эйб Робинсон сказал, что если бы он знал, какое неизгладимое впечатление на меня произведут съемки самого обыкновенного художественного фильма, он бы и близко к киностудии меня не подпустил. Если бы я знала, что все так произойдет, сказала я ему, я бы сама к ним и на шаг не подошла.

А потом он улыбнулся и махнул рукой мне на прощание. Он улетел на другую сторону земного шара, а я прижала к себе кассету, которую мне удалось у него выклянчить, и осталась совсем одна.

Самым удачным местом в фильме я считаю то место, когда Алекс Мартин в сердцах хватается Камиллу за руку, а она в ответ дает ему звонкую пощечину. Это единственное место в фильме, где Алекс Мартин берет руку Камиллы в свою.

Но никто не знает, что это были вовсе не руки Алекса Мартина и Камиллы. Ведь по контракту к Камилле не имел право приближаться ближе, чем на полшага, никто из мужчин!

Это была моя рука и рука Джеффа Дармера.

А по лицу Алекса Мартина ударяет его жена, прошу любить и жаловать, Дора Мартин. Толстая Дора Мартин возжелала самолично треснуть благоверного супруга по физиономии и, наравне с прочими людьми, которые всеми правдами и неправдами постоянно пробирались на съемочную площадку, тоже остаться в истории.

У Доры была несколько пухловатая рука, и Люку Берреру пришлось снимать ее боком. А потом они с Эйбом Робинсоном долго пытались совместить кадры огорченного лица Камиллы и ее руки, бьющей неизвестно что в воздухе, и кадры пухлой руки Доры Мартин, резко приземляющейся на лицо мужа.

А впрочем, я сильно забегаю вперед, а мне надо постараться рассказывать все по порядку. Раз уж я вообще решила все это рассказать.

Но я, пожалуй, еще немного поболтаю о том, что такие замечательные события в моей автобиографии, как съемки самого настоящего художественного фильма, внесли некоторую сумятицу в мою тихую и размеренную жизнь. И потому-то я и решила набросать примерный план дальнейшего существования и пообещала самой себе хоть отчасти его придерживаться и не разбивать больше вдрызг сердце от того, что некоторые вещи, люди и события не повторятся в моей жизни никогда.

Многие идеи начинаешь понимать, когда остаешься совсем один. Например, то, что одиночество дает тебе огромные преимущества: теперь ты можешь выбирать. Вся жизнь только в наших руках, и если вы хотите, чтобы мир принадлежал только вам, вы должны все делать в нем первая.

Первая расставаться и первая мириться, первая приходить и первая прощать. Постоянно придумывать себе какие-то безумно важные и ответственные дела и с глубокой радостью тут же кидаться их выполнять.

А если уж вы никогда не хотите услышать фразу типа: «Знаешь, милая, но я всем сердцем полюбил другую», то, я думаю, что и привязываться к кому-то тоже не стоит.

И не надо ни с кем дружить. Ведь если вы попытаетесь завести с кем-нибудь более-менее приятельские отношения,

то они тут же бросятся выяснять, сколько вам лет, и будут весьма горды и довольны тем, что они младше вас хоть на месяц.

А еще они смогут уверенно говорить вам фразы типа: «Ты что, с ума сошла?» или «Ты что, совсем рехнулась?» Или еще хуже: «Иди-ка ты к черту!» или «Иди-ка ты на фиг!» – на выбор.

Лучи утреннего солнца посреди умопомрачительного голубого неба, соленые брызги у самого берега океана или же огромные, как тарелки, звезды в прозрачной гордой вышине – все это теперь не так уж сильно радует меня, как ощущение полной свободы одиночества.

Никто не может мне теперь сказать, что эта юбка совершенно не подходит к этой кофточке или что я слишком ярко накрашена для такого светлого времени дня. Или, например, будто я что-то совсем не то кому-то вчера сказала.

Моей небесной мечтой теперь было: оказаться вдруг на необитаемом острове, где я могла бы пальмовой веточкой нарисовать на теплом песке свою новую счастливую жизнь и прожить эту жизнь так, как считала нужным сама. А не так, как бы этого требовали окружающие меня люди, события и обстоятельства.

Как и любой человек, все радужные и потрясающие события в жизни я обычно всегда планировала на лето. А все остальные времена года проживала уныло и не спеша.

Так и в начале этого лета, о котором здесь идет речь, я

проснулась с полным ощущением счастья, великолепия и торжества. Я проснулась, открыла глаза и, щурясь от нестерпимого солнца, по-хозяйски заливающего комнату, сказала себе только одно слово.

– Лето, – сказала я сама себе.

И сама себя тут же прекрасно поняла.

3

Каждый город чем-нибудь примечателен. Я слышала, что есть города, построенные в виде самолетов, другие – в виде кораблей, третьи города весьма горды и счастливы тем, что все дома в них вытянуты в длинную линию вдоль экзотических побережий. А есть и такие города, в которых сохранился весьма сносный воздух, видимо, все производство в них остановлено навеки.

Наш же город был для меня всегда примечателен тем, что на одной из центральных улиц в нем находилась знаменитая киностудия братьев Тернеров.

Все, кому не лень, мечтают, чтобы их жизнь была хоть как-то связана с кино. В кино все хорошо, в кино все прямо здорово, только на экране телевизора можно встретить очень умных людей, и все хорошее там существует отдельно от плохого.

А если вы у своей, скажем, не слишком удачной истории хотите иметь хоть какой-нибудь мало-мальски счастливый конец, то режиссеры, пожалуйста, вам быстренько его обеспечат. Лишь мир иллюзий остается на этой земле единственной правдой жизни, и с этим еще никто ничего не смог поделать.

И потому-то, когда день спустя после того, как я просну-

лась с ощущением счастья, великолепия и торжества, мы с Камиллой сидели в своем любимом кафе на углу университета и к нам неожиданно подошел Эйб Робинсон, продюсер с киностудии братьев Тернеров, я поняла, что теперь в наших с Камиллой жизнях все будет совершенно по-другому.

А тот момент, когда Эйб Робинсон подошел к нашему столу вплотную, улыбнулся сногсшибательной улыбкой и сказал нам «Привет!», я буду считать отправной точкой, после которой все и произошло.

В тот день ярко светило солнце, громко пели птицы, а по небу бесшумно летали самолеты.

– Ты уже выбрала тему для диплома? – спросила меня в тот день Камилла.

– Да, – сказала я.

– Какую? – поинтересовалась Камилла.

Я немного подумала.

– Человек приходит в этот мир один и уходит один, – сказала я, – душа бессмертна и путешествует из тела в тело, а потому все наши родственники – вовсе не наши родственники, а совершенно случайные люди.

Две секунды Камилла сидела молча. Потом она смогла заговорить.

– Если бы тебя услышал мой дедушка, – сказала Камилла, – он бы тебя убил.

Я мило улыбнулась и сказала:

– Как хорошо, что твой дедушка меня не слышит.

Камилла подумала и улыбнулась тоже.

В то лето мы оканчивали четвертый курс университета, и впереди у нас было такое необъятное и счастливое будущее, какое мы только могли себе представить.

Сейчас я тоже иногда прихожу в то кафе на углу университета, но уже одна. И иногда я ловлю на себе тоскливые взгляды или Роландо, или Цезаро, или даже самого Артуро, или еще каких-нибудь братьев Камиллы, которые как раз проходят мимо кафе по каким-нибудь своим глупым и неважным делам. Мне кажется, они уверены, что я знаю, где сейчас Камилла.

Но я тоже этого не знаю. Я знаю только одно. Я знаю, что она сейчас где-то безумно счастлива и спокойна. Ведь она сама выбрала себе и жизнь, и чувства, и дворец, и принца во дворце.

Каждый человек считает наиболее ценной, актуальной и интересной только свою собственную жизнь. Давайте признаемся, что мы подходим к этому вопросу именно так. И нам всегда бывает удивительно, как это у окружающих нас людей вдруг появляются проблемы, по силе и важности ничем не уступающие нашим личным любимым неприятностям. А в некоторых отдельных случаях их проблемы выглядят даже несколько существеннее наших.

И так уж в моей занимательной биографии повелось, что единственным человеком, чье существование я воспринимала более-менее реально, была Камилла.

Мы познакомились с ней в глубоком детстве, а потом сидели за одним столом в школе. Вместе с ней мы строили томные воздушные дворцы счастья в мечтах о будущем и всегда ждали от жизни немного большего, чем эта жизнь могла нам предложить.

Я никогда не боялась, что Камилла исчезнет из моей жизни, если бы я этого боялась, она бы действительно исчезла. Она просто была в моей жизни всегда. Она была как воздух, как солнце по утрам, как нестерпимо голубое небо в вышине.

И поэтому для меня, в конце концов, стало совсем не важно то обстоятельство, что, когда мы выросли, я осталась точно такой же обыкновенной, какой была и всегда. А Камилла стала похожей на Сикстинскую Мадонну, Мадонну с Младенцем и Джоконду одновременно.

Есть люди, отмеченные судьбой, печать необычности лежит на их лицах. Как часто бывает, что, случайно увидев в толпе такое лицо, ты отчетливо понимаешь, что этому человеку должно быть дано в жизни абсолютно все и по полной программе.

Но если вы знакомитесь с таким человеком поближе, вам вдруг открывается то обстоятельство, что и у этого необычного человека совсем обычная и заурядная судьба. По утрам у него точно так же сбегает кофе, и он тоже терпеть не может мыть посуду и изо дня в день расправлять и заправлять свою постель. И он точно так же, как и вы, всю жизнь чего-то терпеливо и безнадежно ждет.

Люди редко бывают довольны своими судьбами, именно на этом обстоятельстве обычно играют шарлатаны. И как-то в конце весны нас с Камиллой буквально разорила одна гадалка, самым безжалостным образом выудив из наших сумочек всю наличность взамен на безнадежные обещания о том, что все у нас в скором времени переменится к лучшему. И пока мы с Камиллой пытались подробней выяснить, что в наших жизнях переменится и что конкретно произойдет, мы вдруг заметили, что у нас не осталось денег даже на дорогу домой.

Когда тебе всего двадцать один год, не очень-то задумываешься о насущном моменте. Ведь впереди у тебя все-все-все, а времени еще столько, что ты могла бы им легко и за-просто с кем-нибудь поделиться.

Большие перемены пришли неожиданно. Это случилось несколько дней спустя, когда мы с Камиллой удрали от ее кузенов-телохранителей, приставленных к ней женихом, и невинно пили кофе в своем любимом кафе на углу университета.

Когда тебе всего двадцать один год и вся жизнь впереди, не очень-то хочется иметь жениха, выбранного твоими родственниками, и поэтому я поражалась терпению и покорности Камиллы. Ведь, как я всегда знала, у нее все в жизни должно было сложиться необыкновенно.

Я всегда была уверена, что Камилла должна сама выбрать

себе и дворец, в котором она хотела бы жить, и принца во дворце, которому она хотела бы дарить изо дня в день свою улыбку. И даже набор чувств и эмоций, которые она собиралась в этой жизни испытать, Камилла должна была выбрать себе сама.

Люди редко пытаются изменить судьбу, большинство готово годами жаловаться друг другу на жизнь. Но мало кто из нас в один краткий и неповторимый миг вдруг встанет с любимого дивана, выйдет из уютного теплого дома на улицу и в своей драгоценной жизни вдруг к черту все перевернет.

Камилла была верной дочерью своих родителей, и она ни за что бы не смогла огорчить строгих родственников, возлагавших самые радужные надежды на ее брак.

Эта свадьба должна была соединить заново две разрозненные ветви одного рода, и все накопленные его славными представителями богатства должны остаться лежать в тех же сундуках, в которых они лежали последние лет пятьсот. И тайны, которыми были опутаны много видных семейств города, должны будут остаться теми же мрачными тайнами, какими они являлись едва ли не с самого сотворения мира.

Камилла не рассказывала мне о своих чувствах и мыслях по этому поводу, и вполне может быть, что то, как ей тяжело эта ситуация, я придумала сама. Но мне почему-то было сложно понять, как такая утонченная и романтическая девушка, как Камилла, могла спокойно говорить о предстоящей свадьбе, намеченной на начало этой осени.

Свадьбе с таким, скажем, не очень тонким, недостаточно образованным и грубоватым молодым человеком, каким являлся ее самоуверенный двоюродный брат Артуро. Мне лично он глубоко не нравился буквально всем, начиная с имени и кончая его умением плевать дальше всех его родных двенадцати братьев, и даже таких умельцев, как Роландо и Цезаро.

У меня всегда создавалось впечатление, что ни Артуро, ни Роландо, ни Цезаро, ни остальные их братья нигде не работали, хотя, как я точно знала, их доходы преумножались день ото дня, как пить дать, они занимались контрабандой. По утрам, я знаю, они подавали друг другу шампанское в постель, они считали его напитком богов, они всегда были о себе высокого мнения.

А еще они ни черта не разбирались в своей истории, хотя их род уходил корнями настолько глубоко в прошлое, насколько это можно было себе вообразить. Их предки спали на золоте, купались в золоте, и вообще этого золота у них когда-то было столько, сколько вряд ли себе можно представить.

В общем, их род ведет свой отсчет с того самого времени, когда из золота строились целые города. И эти города целиком и полностью принадлежали предкам Артуро, Роландо, Цезаро, Камиллы, их братьям, сестрам и всем остальным глубоко почтенным родственникам.

Камилла в своей истории конечно же прекрасно разбира-

лась, но не очень-то любила об этом говорить. Зато обо всем этом любил поговорить ее дедушка Ичи.

Я буду звать его дальше именно так, это его сокращенное имя, полностью оно заняло бы здесь несколько страниц. Когда на дедушку Ичи нападет подходящее настроение и он захочет поведать вам свое имя, будьте готовы посвятить этому мероприятию дня два, не меньше.

Дедушка Ичи переживает сейчас одиннадцатую реинкарнацию. А потому, рассказывая о жизни своих предков, живших более полутысячи лет тому назад, он любит говорить так:

– Когда я правил этим городом, у меня была кровать из чистого золота размером с четыре этих комнаты, это была одна из самых маленьких моих кроватей.

Я любила бывать у них в гостях и слушать этот бред.

Дедушка Ичи обожал Камиллу, он считал ее самой умной, самой красивой, самой образованной и самой утонченной из всех своих восьмидесяти внучек. Словом, она была достойна продолжать традиции предков, дедушка Ичи это точно знал.

И дедушка Ичи любил рассказывать, что Камилла во всех его превращениях всегда была рядом с ним, она всегда была его самой любимой внучкой, и она тоже, как и он, сейчас переживает одиннадцатую жизнь. И во всех завоеваниях соседних государств или когда они, например, меняли золото на соль у своих соседей, Камилла всегда была с дедушкой Ичи.

Камилла тоже любила дедушку Ичи, а потому полностью ему доверяла. Не то чтобы она свято верила в этот бред или считала дедушку компетентным человеком в вопросах реинкарнаций, нет.

Просто Камилла считала, что если ее любимый дедушка так серьезно к этому вопросу относится, то так тому и быть. И весьма вероятно, что какая-то доля правды во всех этих домыслах есть.

Камилла была цельной и неординарной натурой. И именно поэтому я никак не могла понять, как она позволяет своим родственникам навешивать на нее все их глобальные проблемы.

А глобальные проблемы ее почтенных родственников заключались в том, что их древний и дружный род, ведущий начало чуть ли не с самого сотворения мира, в последнем веке почему-то слегка разделился. Ну как две ветви одного могучего дерева, одна ветка которого почему-то стала расти куда-то вправо, а другая – клониться вниз.

И вот на рубеже очередного столетия разрозненные представители такого древнего и знатного рода собрались воедино за огромным столом переговоров, чтобы наконец-то обсудить, что им теперь делать. Несколько дней и ночей думали представители древнего и знатного рода, пока не придумали наконец, как одним камнем убить двух птиц.

И немудрено было, что лучшая мысль пришла в голову

нашему дедушке Ичи. Мысль о свадьбе Камиллы и Артуро – это именно его такая светлая, умная и весьма перспективная мысль.

Меня всегда возмущало, как эти принципиальные родственники не замечали того, насколько не подходили друг другу Камилла и Артуро.

Камилла была само совершенство. И иногда мне казалось, что на нее нельзя просто так взглянуть, не боясь ее поранить пусть даже взглядом.

Артуро же представлял собой большую и бесформенную неотесанную каменную глыбу. И этой глыбой не то чтобы пока еще некому было по-настоящему заняться, нет. Просто это вряд ли принесло бы хоть какой-то результат.

Конечно, может быть, я все преувеличивала, но порой у меня создавалось такое впечатление, что нелепый Артуро для всех их родственников представлял собой гораздо более важную ценность, чем Камилла.

Ведь к чему бы в конечном счете свелась роль Камиллы в истории их такого достопримечательного рода? Только лишь к рутинному ведению домашнего хозяйства и терпеливому поддерживанию огня в традиционном домашнем очаге.

Роль же Артуро в ходе истории вырисовывалась гораздо более сложной и отличалась завидным многообразием. Здесь было все: и луки, и стрелы, и убитые олени, походы на войну, раскуривание трубки мира, продолжение рода, ношение фамилии, передача по наследству и так далее и тому

подобное.

И все равно мне всегда казалось, что Камиллу ожидает что-то иное, я была уверена, что Камилла отмечена самой судьбой. Я знала, что однажды на этой земле вдруг случится нечто такое, что сдвинет напрочь нашу тихую и стандартную жизнь с ее обычной размеренной колеи.

И пройдет снег, и пройдет дождь, и реки больше никогда не выйдут из своих берегов. И на земле прекратятся бури, и расцветут цветы, и к нам приблизится солнце, и наши души оттают и проснутся в его теплых лучах.

И на нашем жизненном пути нам тут же встретятся именно те люди, которые и нужны нам так нестерпимо и по-настоящему. А те люди, которые нам не нужны, но которые по-хозяйски толкнутся в наших жизнях, вдруг радостно куда-то уйдут сами собой.

Но Камилла не позволяла мне об этом даже помечтать.

– Не смей даже думать об этом, – говорила мне Камилла, едва на меня находило настроение поболтать с ней о таких пустяках.

– Раз плюнуть, Камилла, – говорила я ей, – мы тут никому ничем не обязаны, ведь никто даже не может до сих пор разобраться, зачем все это, почему и для чего.

Я намекала на неразгаданные загадки нашего существования, тайны происхождения, неизбежности ухода и тому подобной всякой ерунды.

– Все тесно взаимосвязано, – говорила Камилла, – не то-

бой все устроено и задумано, а поэтому даже не мечтай хоть что-то, как ты выражаешься, тут изменить.

– Так и сидеть сложа руки?

– Да, так и сидеть.

– И терпеливо наблюдать, как по твоей жизни самоуверенно мечутся совершенно неинтересные и ненужные тебе люди, и ничего даже не пытаться изменить?

– Да, – говорила Камилла, – даже не пытаться.

– Но почему? – возмущалась я.

– Именно потому, что это все не тобой организовано.

– Но хоть что-то тут все-таки должно произойти? – уговаривала ее я.

– Все произойдет само собой, – говорила Камилла, – если, конечно, что-то должно произойти, – задумчиво добавляла она.

И я покорно замолкала, иссякнув, как ручей.

Но тот день, когда началась эта история, был не совсем обычным днем. Нет, он был днем крайне необычным. Ведь после великолепно сданного первого экзамена по философии мы с Камиллой не поплелись покорно в большой холл перед аудиторией, где нас по-хозяйски дожидались ее двоюродные братья, приставленные к ней ее самоуверенным женихом. Нет.

Даже наоборот. Мы с ней аккуратно вылезли во внутренний двор университета через окно какого-то помещения, так удачно расположенного рядом с нашей аудиторией, и, помирая от хохота, направились в кафе на углу.

Это был день протеста, я была в восторге.

Но чего в тот момент я не должна была делать, так это делиться своей радостью с Камиллой. Но мои эмоции возбужденно искали выход, и этот выход не заставил себя долго ждать. Ничего не значащая фраза вдруг объявилась в моем расслабленном мозгу. И не было силы, которая могла бы эту фразу там удержать.

– Знаешь, Камилла, – сказала я, – а ведь где-то на этом свете живет ОН, и ЕМУ тоже в своей жизни все до чертиков надоело.

На что Камилла чуть не подавилась горячим кофе. Она в

ужасе посмотрела на меня.

Вот до чего доводят ничего не значащие вылазки из окон университета после великолепно сданных экзаменов по философии. Твои лучшие подруги сразу же позволяют тебе намекать на то, что ты живешь не так, как хотелось.

И где-то на этой земле, оказывается, спокойно поживает тот человек, который должен в своей жизни все к черту перевернуть. А потом он должен перевернуть все к черту и в жизни твоей. А все планы на твое дальнейшее существование, так тщательно продуманные твоими старательными родственниками, оказывается, и цента ломаного не стоят.

Но день был такой ясный, теплый и неповторимый, что Камилла решила меня простить. Солнце заливало высокие деревья в парке через дорогу от кафе, пластмассовые столики вокруг нас просто сверкали на солнце. Со всех сторон без умолку трещали полуденные птицы, а где-то там, в далекой дали, еле различался шум удаляющегося самолета.

И Камилла промолчала. Не так уж были существенны и важны мои нелепые замечания о каком-то ином смысле существования для человека, чье предназначение было предопределено самой историей.

Камилла была спасительной тростью для своего рода, и никакая другая жизнь ей не могла быть дана. Все было зря, и мои речи не могли что-либо изменить в данной постановке вещей.

И потому я уже было собралась изящно отпить еще пару

глотков кофе и постараться подумать о чем-нибудь другом, как в нескольких шагах от нашего столика вдруг возник не кто иной, как главный продюсер с киностудии братьев Тернеров, Эйб Робинсон. И, что было удивительней всего, мы с Камиллой вдруг сразу поняли, что он совершенно не случайно надумал появиться именно в этом месте, именно в этот день и именно в этот час.

Эйб Робинсон подошел к нашему столику вплотную, улыбнулся сногшибательной улыбкой и сказал нам:

– Привет!

Мы с Камиллой чуть было не подавились этим своим кофе от неожиданного осознания того, что теперь в наших жизнях все будет совершенно по-другому. И некоторое время ничего не могли говорить.

Так и не дождавшись от нас какой-либо ответной реакции на свое появление, Эйб Робинсон решил продолжить сцену без нашего участия. Он почтительно прокашлялся и сказал:

– Я прошу прощения, – сказал нам великолепный Эйб Робинсон, – что таким непочтительным образом позволил себе ворваться в вашу жизнь. Но уверяю вас, что, не имея уважительной причины, я никогда не посмел бы подойти и позволить себе заговорить с вами, не будучи представленным по всем правилам этикета.

Я почувствовала, что у меня мозги пойдут на выверт от витиеватой изысканности речей, которые километрами умеют сочинять эти хваленые представители киноискусства. Но,

несколько придя в себя, все же оторвалась от спасительной чашки кофе и подняла глаза.

И, конечно же, ничему не удивилась. Так я и предполагала.

Разумеется, Эйб Робинсон обращал свои речи только лишь к одной Камилле. И стоял он на этом самом месте в этот самый час только ради одной Камиллы. Еще бы. Ведь это она, а не я, была похожа на трех самых знаменитых мадонн одновременно.

Но я тут же решила утешиться радостью за подругу, а себе оставить хотя бы подробное разглядывание того, во что шикарный Эйб Робинсон был одет. И едва начав с белоснежного воротничка его рубашки, я тут же перешла на изящно-полосатый галстук, а потом – на темный дорогой пиджак. Скользя взглядом по рукаву пиджака, я уже было позволила себе поподробней остановиться на складках его брюк, но какое-то неясное, буквально только что свершившееся происшествие заставило мое воспаленное от впечатлений сознание попросить меня вновь вернуться к тому, что было до этого.

И я вновь вернулась к тому, что было до этого. И постаралась объяснить своему недоверчивому сознанию, что на данный момент мы видим сногшибательного Эйба Робинсона, главного продюсера с киностудии знаменитых братьев Тернеров. И он находится не где-нибудь, а у нашего с Камиллой столика.

А еще мы видим белоснежный воротничок рубашки Эй-

ба Робинсона и его милый полосатый галстук. И темный дорогой пиджак, и рукав этого пиджака. И кисть руки, торчащую из рукава, и тонкое обручальное кольцо на безымянном пальце. Так вот что имело в виду мое воспаленное сознание.

Несколько мгновений я тупо смотрела на это кольцо, а затем нашла взглядом Камиллу. Я грустно посмотрела на нее, показала ей взглядом на кольцо и разочарованно покачала головой, что означало: «Нет, это вовсе не тот человек, кому стоит доверять все в своей жизни к черту переворачивать».

Камилла тоже увидела кольцо и укоризненно посмотрела на меня.

И как ты только могла об этом подумать? Как ты могла себе представить, что я смогу послушаться своих почтенных родственников и хоть на одну секунду подумать о ком-нибудь, кроме Артуро, так любезно мне ими навязанного? – Вот что означал этот взгляд.

Я пожала плечами и больше ничего не стала показывать взглядами Камилле. Я решила вновь вернуться к Эйбу Робинсону, но уже более спокойно и не так взволнованно.

– Я еще раз извиняюсь, – лилейным голосом говорил на тот момент шикарный Эйб Робинсон, – что осмелился к вам подойти, но дело в том, что нам всем очень нужна ваша помощь.

Камилла вопросительно посмотрела на него.

– Да-да, – кивнул Эйб Робинсон, – нам всем, всей нашей киностудии очень нужна ваша помощь.

– Что, – удивленно спросила Камилла, – именно моя?

– Да, – опять кивнул Эйб Робинсон, – именно ваша.

И под этими его словами я бы уже могла подвести черту, так как едва намеченные на тот день невероятные изменения в наших с Камиллой жизнях теперь уже никуда не денутся и все-таки наступят.

Но только для того, чтобы вы могли понять, почему они наступят, нам нужно вернуться на некоторое время назад. И постараться попасть при этом на знаменитую киностудию братьев Тернеров, и увидеть и услышать все то, что происходило там до этого, такого торжественного для нас с Камиллой дня.

А некоторое время назад в главном здании знаменитой киностудии братьев Тернеров, в большом зале на втором этаже было серьезное совещание. Немолодые люди в строгих костюмах сидели за массивным столом черного дерева и горестно разглядывали большую пепельницу, стоящую в центре стола.

Вечнозеленые растения, искусно расставленные по всему залу, должны были создавать и поддерживать ощущение спокойствия, душевного комфорта и благополучия у находящихся здесь людей. Но, несмотря на изысканно созданное великолепие, настроение у присутствующих было паршивое, потому что дела в этот год на киностудии шли из рук вон плохо, и никто никакого выхода из создавшейся ситуации не видел.

Великолепные братья Тернеры восседали тут же в своих огромных кожаных креслах, и грусть их была велика.

– Мы ходим по замкнутому кругу, – сказал Дон Тернер и устало оглядел присутствующих. Затем он некоторое время возмущенно помолчал. – Хотелось бы какой-то стабильности, – добавил Дон минуту спустя.

Это совещание было собрано для того, чтобы принять хоть какое-то решение. Но еще ни одно мало-мальски дель-

ное замечание всемогущим Доном Тернером услышано не было. Да мало того, его младший брат Боб Тернер уже начал мирно пофыркивать себе в рукав, намереваясь, по всей видимости, в скором времени крепко заснуть и свалиться с кресла.

Дон Тернер был возмущен. Он оскорбленно оглядел лысину младшего брата и резко кашлянул ему прямо в ухо.

Отчего Боб Тернер моментально проснулся и поспешно высказался:

– Так, может, нам лучше построить фабрику детских игрушек, чем заниматься таким неблагодарным делом, как бесконечные съемки этих никому не нужных художественных фильмов?

Боб Тернер много еще интересного и необычного мог сказать по этому поводу. Но, нарвавшись на гневный взгляд старшего брата, решил пока воздержаться.

– Просто удивительно, как мы еще не пошли по миру с такой дилетантской философией, – сказал Тернер-старший.

В зале вновь воцарилась тишина. Было слышно только щебетание птиц за окном.

Люк Беррер, главный оператор киностудии, смотрел в глубь себя. Его сорвали на совещание прямо с ланча, и он так и не успел разбавить грубую полуденную пищу легким вином.

Джефф Дармер, режиссер, смотрел на часы. Джек Марлин, тоже режиссер, смотрел куда-то под стол.

Два помощника Марка Тимпсона вели трогательную игру глазами. А сам Марк Тимпсон, писатель и сценарист, никуда не смотрел, а тоже был возмущен происходящим до глубины души.

– Я думаю, нам нужно сделать нечто неординарное, – прервал наконец тишину Эйб Робинсон, режиссер и сопродюсер, третье лицо на киностудии после братьев Тернеров.

– Как ни странно, мой мальчик, – наклонился в его сторону Дон Тернер, – но именно по этому поводу мы тут и собрались. Нам нужно придумать нечто неординарное, – повторил он, – и если кто-либо из вас придумает мне это неординарное, я обещаю ему самый большой процент от прибыли. Хотя вы прекрасно понимаете, что дело не в денежных чеках. Престиж киностудии падает, вот что обидно.

– Может, сделать ремейк какого-нибудь старого замечательного фильма? – осторожно предложил Джефф Дармер.

Он был заинтересован в скором окончании совещания, потому что сильно опаздывал на свидание.

– Я не знаю ни одного старого замечательного фильма, по которому еще не был сделан ремейк, – повернулся в его сторону Дон Тернер.

– Может, экранизировать кого-нибудь из классиков? – предложил Люк Беррер.

Ему, как оператору, было все равно, что снимать.

– И кого из классиков вы хотите предложить? – вежливо спросил Дон Тернер.

– Ну... что-нибудь из Шекспира, – попытался закончить мысль Люк Беррер.

– Неплохая идея, – радостно поддержал его Тернер-младшенький.

– А что, черт возьми, из произведений Шекспира еще не было экранизировано? – громко спросил Дон Тернер.

– Ну... мы можем представить что-нибудь в современном свете, – сказал Люк Беррер.

– А какое из произведений Шекспира еще не было представлено в современном свете? – спросил Дон Тернер еще громче.

– Ну... я думаю, – сказал Люк Беррер, – я думаю, такую вещь можно попытаться найти.

Дон Тернер молча отвернулся от Люка Беррера. Тот развел руками и твердо решил больше сегодня не высовываться.

Слово взял Марк Тимпсон, известный писатель и сценарист, которому в последнее время многие радостно намекали, что он творчески иссяк.

– Можно попытаться написать неординарный боевик, – сказал Марк Тимпсон.

Все с удовольствием воззрились на старину Марка Тимпсона.

– В вашем боевике что, – сочувствующе спросил его Дон Тернер, – победят «плохие»?

За массивным столом послышались тихие, редкие смешки.

– Что-то в этом роде, – сказал Марк Тимпсон, – это будет очень психологичный боевик. У него будет такой неординарный и неожиданный конец, что публика просто ахнет.

– Ну, – терпеливо спросил Дон Тернер, – и что же это будет за конец?

– А это нужно будет придумать, – сказал Марк Тимпсон.

– А почему же вы до сих пор такой замечательный сценарий не придумали? – спросил Дон Тернер.

– Это очень сложно, – сказал Марк Тимпсон, – и потом, я сам еще до конца не понял, что я тут пытаюсь предложить.

Джефф Дармер осторожно посмотрел на часы и сокрушенно покачал головой. Дон Тернер терпеливо подождал, пока не прекратится откровенное веселье за столом.

Боб Тернер тоже весело похихикивал в рукав пиджака и виновато поглядывал на старшего брата.

Марк Тимпсон ужасно на всех обиделся. Если они думают, что писать сценарии очень легко, пусть сами попробуют.

Слово взял Эйб Робинсон.

– У меня есть идея, – сказал он.

И присутствующие медленно повернули головы к Эйбу Робинсону. Ибо его слова были произнесены с таким серьезным чувством и таким твердым голосом, что в зале уже почувствовалась материализация некой идеи, в правильности и совершенстве которой можно было не сомневаться.

– Мы внимательно тебя слушаем, – сказал Эйбу Робинсону Дон Тернер.

Эйб Робинсон развел руки в стороны и улыбнулся.

– Это – любовь, – сказал Эйб Робинсон.

На вытянувшихся лицах коллег вновь отобразился еле сдерживаемый смех. А лицо мудрого Дона Тернера снова покрыла печаль: его опять провели.

– Что? – сказал он Эйбу Робинсону.

Но Эйб Робинсон решил промолчать.

– Ты больше ничего не хочешь сказать? – печально спросил Дон Тернер.

– Вы же в меня не верите, – сказал Эйб Робинсон.

А Дон Тернер уже как раз дошел до такого состояния, когда он с удовольствием кого-нибудь бы убил. И начнет он сегодня, пожалуй, с Эйба Робинсона.

– Мы верим в тебя, – вежливо улыбнулся Дон Тернер, – мы верим в тебя больше, чем в самих себя. А потому с удовольствием выслушаем все, что бы ты нам сейчас ни предложил.

Эйб Робинсон еще немного помолчал, а потом сдался.

– Ну хорошо, – сказал он, – я попытаюсь.

Все собравшиеся за столом тут же расслабились и откинулись на спинки стульев. Ведь если кто-то из них взялся говорить о чем-либо более-менее серьезно, то все остальные вполне могли себе позволить хоть немного сегодня отдохнуть.

– Итак, – сказал Эйб Робинсон, – о технической стороне,

рекламе и антирекламе мы поговорим потом. А сейчас о самой картине. Я предлагаю снять фильм о любви. В любви есть жизнь. Кирпичный дом возле реки, высокое дерево рядом с домом и даже дым из трубы – все это любовь. Кто-то любит Шекспира, кто-то не понимает Берроуза, кто-то предпочитает сладкий кофе, а кто-то терпеть его не может. Но на подсознательном уровне мы все одинаковы. В жизни, в этом великолепном и беспрецедентном шоу, участниками которого мы с вами являемся, есть некие субстанции, которые находят отклик в сознании абсолютно каждого человека, какой бы при этом у него ни был уровень общего развития, культурный и нравственный потенциал, пристрастия, взгляды и привычки. На уровне внутреннего и эмоционального восприятия мира мы все абсолютно одинаковы.

Когда в одном помещении с Бобом Тернером вдруг кто-то начинал долго и умно говорить, на Боба Тернера тут же нападала жуткая зевота. Он и к психоаналитикам по этому поводу неоднократно обращался, ничего не помогало. И поэтому Боб Тернер держал уже двумя руками рот и мечтал только об одном: чтобы Эйб Робинсон когда-нибудь сегодня замолчал.

– Я предлагаю снять картину о том, на чем стоит наш мир. Я не буду приводить здесь долгих и нудных расчетов, чтобы доказать, что наш мир держится на любви и только на любви, думаю, вы и без меня об этом давно знаете. Я предлагаю снять этот фильм, – сказал Эйб Робинсон, – но только вот

одно условие. Мы должны будем снять его, руководствуясь эфемерными, подсознательными категориями. У нас не будет ни сценария, ни конкретной идеи, ни музыки, ни главных героев. Нет, конечно, это у нас будет, – невозмутимо продолжал он, – но только все это придет нам на ум уже в процессе работы над картиной. Нам придет на ум, каких взять в нашу картину героев, какую написать музыку, какие слова вложить в уста наших героев, но лучше, если они придумают для себя эти слова сами.

– То есть... как это сами? – не понял Дон Тернер.

– Да так, – пожал плечами Эйб Робинсон, – пусть что хотят, то и говорят.

– Вы вполне уверены в правильности своей идеи? – спросил его Дон Тернер.

– Вполне уверен, – сказал Эйб Робинсон, – ну не то чтобы мы пустим все на самотек, нет. У нас будет примерный план, вот Марк Тимпсон нам его и составит.

Марк Тимпсон оскорбленно смотрел на всех присутствующих.

– Мы не будем идти на ощупь, мы будем руководствоваться общеизвестными мировыми понятиями, категориями и субстанциями, – невозмутимо продолжал Эйб Робинсон, – например, такими элементарными, как плюс-минус, белое и черное, холодное-горячее, мужское и женское начало. Вот вам и два главных героя, которые должны будут вобрать в себя все эти понятия. Дальше. Четыре времени года, четыре

стороны света – это тоже можно будет как-то обыграть, положим, для начала, западный мужчина и восточная женщина.

– А что-нибудь более конкретное вы можете нам сейчас предложить? – устало спросил Дон Тернер.

Боб Тернер изо всех сил таращил глаза в пространство, чтобы не заснуть.

– Да, конечно, – сказал Эйб Робинсон, – во-первых, мы не должны брать в наш фильм профессиональных актеров.

– Ну вот еще чего, – сказал Дон Тернер, – вы предлагаете всему обучать их во время съемок?

– Вам не нужно будет ничему их обучать, – сказал Эйб Робинсон, – они все сделают сами.

– Что же они сделают сами? – спросил Дон Тернер.

– Они встретятся друг с другом, с ними что-нибудь произойдет, а мы с вами пронаблюдаем за ними со стороны и кое-что подкорректируем, – беззаботно сказал Эйб Робинсон.

– Все-таки что-то подкорректируем? – с надеждой спросил Джефф Дармер.

– Да совсем немного, – сказал Эйб Робинсон. – И снимем всю их историю на пленку.

Эйб Робинсон перестал увлеченно размахивать руками и излагать только одному ему понятные и дорогие мысли и осторожно посмотрел на коллег. Все смотрели на него с чувством глубокого сожаления. Даже Боб Тернер.

– Это – примерный план, – сказал Эйб Робинсон.

– А если с ними ничего не произойдет? – спросил предусмотрительный Джефф Дармер.

– Со всеми людьми хоть что-то да происходит, – философски заметил Эйб Робинсон.

– Да, но не все их истории имеет смысл снимать на пленку, – сказал Джефф Дармер.

– За эту историю я буду отвечать головой, – улыбнулся Эйб Робинсон.

– Но это уже было, – сказал Люк Беррер, – и даже не один раз. Режиссеры и операторы ходили по городу за каким-нибудь профессиональным актером, который вовсю придурялся, будто не имеет никакого понятия о том, что его снимают, и в результате получалось неплохое художественное шоу.

– Да, – сказал Эйб Робинсон, – но только у нас все будет совсем не так. Мы действительно будем снимать самых обыкновенных людей, которые будут делать и говорить то, что захотят они сами.

Джек Марлин, второй режиссер, который обычно мало говорил, предпочитая много делать, а в данный момент учился вязать под столом, радостно улыбнулся:

– Но это же полный бред, – сказал он, – что такого нового и увлекательного нам могут сказать простые люди с улицы?

– А мы возьмем не совсем простых людей, – сказал Эйб Робинсон, – мы вычислим этих людей из миллиона. Они будут подходить и нам и друг другу идеально. Они будут умны и, главное, они будут естественны.

– Самая заштатная актриса с блеском сыграет вам эту самую естественность, – сказал Джек Марлин.

Два помощника сценариста играли под столом, кто на кого наступит первым. Джефф Дармер откинулся на спинку стула и приготовился немного поспать, на свидание сегодня он уже безвозвратно опоздал.

– Пусть вы ставите крест на всей процедуре фильмотворчества, – выступил наконец-то оскорбленный Марк Тимпсон, – но вы перечеркиваете и всю работу сценаристов. Я обычно пишу сценарий несколько долгих месяцев, а вы хотите сказать, что какие-то там естественные люди с улицы смогут вам без подсказок сымпровизировать нечто неординарное?

– Нет, что вы, – сказал Эйб Робинсон, – без вашего чуткого руководства они ничего не смогут сделать.

Марк Тимпсон сердито замолчал. Раз без его чуткого руководства они здесь все-таки ни черта не смогут сделать, что, впрочем, и так было понятно с самого начала, то вроде как бы и возмущаться пока нет никакого повода.

– Ну, – благодушно развел руками несколько подобревший Марк Тимпсон, – вы могли бы с самого начала поделиться своими планами, посоветоваться со мной.

– А мы здесь сейчас друг с другом и советуемся, – заверил его Эйб Робинсон, – для того и собрано это совещание.

Марк Тимпсон снова обиделся. Теперь он выглядел тут

самым непонятливым.

Но, как выяснилось, сам Дон Тернер недалеко от него ушел.

– И все-таки я не совсем понял, – сказал Дон Тернер Эйбу Робинсону, – почему вы не хотите снимать профессиональных актеров? Сотни людей обычно задействованы в создании картины, но мало фильмов достойно внимания. А вы хотите ничего не делать, просто окунуться в жизнь, и эта жизнь принесет вам шедевр?

– Да! – громко воскликнул Эйб Робинсон.

На что Боб Тернер все-таки свалился от неожиданности с кресла.

– Совершенно верно, – добавил Эйб намного тише.

Затем все вежливо подождали, пока Боб Тернер, отряхиваясь от невидимой пыли, сядет обратно на место.

Два помощника Марка Тимпсона играли под столом в «камень, ножницы, бумага», одни они так ничего и не заметили.

– Если бы в съемках фильмов все было настолько просто, – сказал Джек Марлин, подсчитывающий петли на вязанье, – нас всех давно бы уже разогнали.

– Да и не только нас, – грустно сказал Люк Беррер.

– Я же вам уже сказал, что все – есть жизнь, – в сердцах сказал Эйб Робинсон, – вот этот пиджак есть жизнь, этот стул есть жизнь, этот стол – тоже есть жизнь, и все это – уже есть история.

– Если мы будем снимать только пиджаки, столы и стулья, – сказал Люк Беррер, – мы далеко не продвинемся.

– Я не предлагаю снимать столы и стулья, – сказал Эйб Робинсон, – я предлагаю вам снимать жизнь. Ни массовок, ни декораций. Мы просто выйдем на улицу, наши герои сами поведут нас за собой. Они сами подскажут нам, какой путь надо избрать. Я же вам сказал, что в мире есть категории, к которым мы все относимся совершенно одинаково.

– Ничего не выйдет, – сказал Джефф Дармер, который, в отличие от некоторых, никак не мог заснуть в таком людном месте. – Сама жизнь не настолько привлекательна, насколько вы нам тут пытаетесь это представить. Лишь иллюзия жизни достойна внимания. Реальность подретушированная, подкорректированная, художественно оформленная и еще перевязанная сверху огромным розовым бантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.